

А.В. ЗЕЛЕНИН

Финляндия,
Тампере

Д.В. РУДНЕВ

Санкт-Петербург

«...Читая его, становишься как-то чище и благороднее»

(Особенности языка и поэтики «Сказки
о том, как жила-была последняя Муха»
Д.Н. Мамина-Сибиряка)

В статье рассматриваются лингвопоэтические особенности «Сказки о том, как жила-была последняя Муха» Д.Н. Мамина-Сибиряка, представляющей собой авторский текст, сочетающий в себе элементы традиционной сказки с притчей; анализируются языковые приемы построения речевого и психологического поведения персонажей в зависимости от возраста (детство — зрелость — старость).

Ключевые слова: *авторская сказка; сказка о животных; притча; «перевернутый мир»; особенности детской речи; ирония, сарказм, дидактизм.*

«Сказка о том, как жила-была последняя Муха» входит в сборник «Аленушкины сказки», которые печатались в течение 1894–1897 гг. в журнале «Детское чтение», а в 1897 г. были изданы отдельной книгой.

Чаще всего, говоря об «Аленушкиных сказках», исследователи подчеркивают фольклорные истоки произведений этого сборника и, прежде всего, влияние русских народных сказок о животных. Фольклорное влияние можно обнаружить как в системе образов (Заяц, Волк, Медведь с их традиционными для народных сказок атрибутами), так и в особенностях языка, которому присуща установка на устную речь и «насыщенность выражениями, стилистически родственными сказке» [Миночкина 1990: 41]. В системе персонажей цикла, помимо традиционных сказочных Зайца, Волка и Медведя, мы на-

ходим Комара, Муху, Канареечку, Индюка, Козявочку и даже Молочко и Кашку.

Чем же вызван интерес автора к таким представителям «малого» животного мира? Разумеется, Мамин-Сибиряк опирался на предшествующую традицию изображения животных в литературе, особенно используя «натурфилософскую» манеру изложения (с позиции животного мира, «взгляда» животного на мир человека). В русской литературе блестящие образцы такого изложения одним из первых дал В.Ф. Одоевский [Зеленин, Руднев 2014]. «Сказка о том, как жила-была последняя Муха» Мамина-Сибиряка, несмотря на такое необычное название и выбранный персонаж, продолжает идущую еще с античных времен (ср.: «Похвала мухе» Лукиана, «Муравей и муха» Федра) литературную линию, протянувшуюся к нашему времени. Известный специалист в области русской литературы А. Хансен-Лёве, изучавший тексты, в которых упоминались мухи, предложил даже полупотушливый термин – «мухология» [Hansen-Löwe 1999]. Он установил интересную тенденцию: в Средние века в центре

Зеленин Александр Васильевич, доктор филол. наук, преподаватель Тамперского ун-та (Финляндия). E-mail: Aleksandr.Zelenin@uta.fi
Руднев Дмитрий Владимирович, кандидат филол. наук, доцент СПбГУ. E-mail: rudnevd@mail.ru

литературных текстов находилась пчела (ср. популярный в древнерусской литературе сборник «Пчела» – собрание переведенных с других языков изречений и кратких исторических анекдотов, статей религиозно-нравственного характера), в Новое время – муха: количество текстов как в русской, так и в европейской литературе с упоминанием пчел уже с XVII–XVIII вв. заметно снижается, напротив – с упоминанием мух значительно возрастает. В культурно-историческом плане беззаботная и беспечная муха символизировала деонисийское начало (стихийность, необузданность, смерть и разрушение вешнего мира), трудолюбивая пчела – начало аполлоническое (одухотворенность, сосредоточенность, благоразумие, умеренность) [Злыднева 2004]. Противопоставление мухи и пчелы, муравья как символов, раскрывающих различное, диаметрально противоположное отношение к жизни, отчетливо проявляется во многих переводных баснях русских литераторов XVIII–XIX вв. (Нарышкина, Сумарокова, Тредиаковского, Крылова, Дмитриева и др.).

«Сказка о том, как жила-была последняя Муха» входит в сборник «Аленушкины сказки», однако рассчитана ли она только на детей? Сказка явно выбивается из общего стиля и жанровой системы сборника, представляя собой литературный гибрид – авторскую сказку и притчу: это позволяло автору, с одной стороны, увлечь ребенка интересным чтением, а с другой – предоставить взрослому читателю пищу для размышлений.

Рассказчиком здесь выступает Муха, взгляд которой на мир соединяет черты человеческого, прежде всего детского, сознания и мира животных. Этот взгляд на мир не остается неизменным на протяжении текста: произведение делится на три части, в которых показано, как Муха постепенно взрослеет и стареет и как в соответствии с этим меняется ее взгляд на окружающий мир.

В первой части рассказывается о молодости Мухи, что отражено в авторской номинации – *маленькая (молодая, молоденькая) Мушка*. На лексическом уровне

сближение маленькой мушки и ребенка осуществляется автором при помощи слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *крылышкѣ, Аленушкѣ, молочкѣ, булочкѣ, капелькѣ, тазѣ с вареньем, ножкѣ, крошечкѣ, молодѣнькѣя*. Обильно используемые Маминым-Сибиряком в повествовании восклицательные знаки и многоточия говорят о повышенной эмоциональности мушки и ребенка, о преобладании в его психике эмоционального начала над рациональным. Ту же функцию выполняют гипербола (*тысячи*), междометие (*ах*), восклицательные частицы, бессоюзная связь. В первой части много восклицательных предложений, междометий, частиц, слов, выражающих положительную оценку: *Ах, какой он добрый, этот садовник!..; Ах, какие все добрые и хорошие!; Ах, как хорошо жить на свете!* и т.д., которые показывают неподдельную, искреннюю радость ребенка, открывающего мир.

Градационный ряд глаголов моторной семантики не случаен: он отражает, с одной стороны, высокий уровень физической активности ребенка (глагол движения *летать* указывает в данном случае и на многократность действия, и на отсутствие у движения конкретной цели); с другой стороны – на повышенную детскую эмоциональность. Несобственно-прямая речь отражает детский анимизм, неотделенность сознания от окружающего мира. Исследователи давно обратили внимание на то, что ведущим художественным приемом во всем сборнике «Аленушкины сказки» является прием олицетворения: «часто говорящие животные, птицы, насекомые ведут себя как дети» [Мионочкина 1990: 39].

Процесс взросления (вторая часть) предуготован писателем встречей молоденькой Мушки и «старой Мухи, любившей поворчать», в конце первой части. В речи старой Мухи нет признаков аффективной речи, которая оформляется при помощи более спокойных интонаций. Язык повествования второй части меняется: он объективизируется, становится более спокойным, а синтаксические построения – более развернутыми; реже

используется несобственно-прямая речь. «Наша Муха» начинает выступать активным субъектом речевого действия, выражая свое мнение; вторая часть, в отличие от первой, наполнена диалогическими сценками. Муха реагирует на мир не только эмоционально (в ее речи нет междометий, восклицательных частиц, восклицательных интонаций), но и рационально: на это указывают развернутый характер фразы, преобладание нейтральной лексики, наличие сложноподчиненных конструкций с разными видами придаточного предложения. Изменившийся язык отражает изменившееся, повзрослевшее сознание Мухи.

Далее по ходу повествования эмоциональное отношение Мухи к миру ослабляется еще больше («О прежних радостях не было и помину»), а затем практически исчезает. Ей больше не хочется общаться, и, как следствие, в тексте исчезают диалоги. Наконец муха остается совершенно одна, и этот момент символизирует наступление старости.

В сказке Мамина-Сибиряка кульминационным моментом становится не какое-либо решительное действие главного персонажа, доказывающее и показывающее его превосходство, силу, моральную и физическую победу над «противником» или самим собой, как в традиционной сказке, а психологическое состояние одиночества и скуки, представлявшееся сначала мухе желанным, но затем быстро утомившее ее. В этой сказке вообще широко представлены психологические описания, нетипичные для традиционных фольклорных жанров:

ей хотелось остаться совершенно одной; она давно уже испытала какую-то непонятную усталость; она почувствовала, что случилось что-то необыкновенное, даже самой сделалось страшно.

Притчевый пласт сказки рассчитан на взрослого, способного «вычитывать» из ее текста некоторые философские обобщения. Если лексико-повествовательный слой строится на фабуле, сюжете, описанных в тексте перипетиях, смысле слов и фраз, то глубинный, аллегорический слой опирается на метафорическое, сим-

волическое использование или истолкование значений слов. Притчевая форма позволяет автору избежать прямого морализаторства, поучения, но повествователь предполагает, что проникательный читатель сам извлечет нужные моральные уроки из текста: ведь притча – это «повествование <...>, в котором в индизказательном виде заключена этико-философская концепция» [Ольшванг 2007: 70].

Действительно, в буквальном слое текста ребенок с интересом следит за описанием жизни Мухи (от молодости до старости), сравнением мира мух и мира людей, смеется над мухами и их оценками мира людей. Ребенка, конечно же, позабавит «мушиная» гастрономия:

капельки пролитого молока, крошки булочки и сахара, удивительно вкусные вещи: говядину, иногда рыбу, сливки, масло, ягоды в сахаре...

Не могут не вызвать улыбки контексты, содержащие двойной, завуалированный, скрытый смысл и подтекст:

(мухи) лезли *из чувства благодарности* прямо в тазик с вареньем (= назойливо, настырно); Паук наконец *сжалился* над ней и сказал: Милая Муха, идите ко мне. Какая красивая у меня паутина! – это называется – *желать добра: съесть* последнюю Муху! (показная жалость = жестокое коварство).

В основе построения, например, приведенного диалога лежит присущий «детским» произведениям Мамина-Сибиряка прием объединения противоположностей; один из исследователей очень удачно назвал этот принцип построения «гармонией несоответствий» [Фролова 2002: 56]. Иронию и смех читателя (как ребенка, так и взрослого) вызывает описание меры полезности мира людей именно с позиций мира мух, а не наоборот. Взаимодействие этих миров дается автором в перевернутом виде:

это для нас сделаны окна; сам он (садовник) не умел летать; (кухарка Паша) отлично знала, что нужно мухам, хотя летать тоже не умела; может, даже хорошо, что люди не умеют летать; (кухарка Паша) каждое утро нарочно для мух ходила на рынок; (тетя Оля), кажется, специально жила только для

мух; для чего он (папа) курит свою трубку, когда отлично знает, что я совсем не выношу табачного дыма?; нельзя ждать ничего хорошего от человека, который не ест варенья; (папа) решительно ничего не хочет сделать для мух.

Паралогические приемы изображения мира не только вносят смеховую струю в повествование, но и дают ребенку чувство превосходства над персонажем сказки, делая ее еще занимательнее. Но паралогические приемы повествования одновременно являются и способом перехода к притчевому смыслу произведения, своеобразным шифтером, маркером границы фабульного и притчевого плана. Притчевый смысл призван показать взрослым морально-этические вещи: мухи здесь не просто забавные персонажи – это проекция поведения, мировоззрения, моральных принципов людей, сравнение и оценка двух миров. Буквальный и притчевый слои в тексте постоянно пересекаются: граница между двумя мирами зыбкая, подвижная, призрачная. Слова мухи: «они (люди) только кажутся добрыми, эти люди, в сущности, только этим и занимаются, что всю жизнь обманывают доверчивых бедных мух» – вызывают смех читателя на буквальном, словесном уровне: мухи оценивают людей как свой обслуживающий «персонал». На притчевом же уровне легко прослеживается аналогия между «философией» мух и поведением людей в обществе. Такие тонкие, заметные лишь искушенному читателю параллели двух миров создают многослойность повествования, пронизывая всю сказку.

В тексте произведения развертывание повествования показывает усложнение поведения мухи и изменение отношения к жизни, трансформацию оценочной шкалы, что представлено как градация признака: *какое доброе существо человек – люди вообще так добры – кухарка Паша была еще добрее Аленушки – эта чудная женщина – ах, какие все добрые и хорошие – (Паша) оказалась совершенно бессердечной женщиной – злейшего врага, то есть господина человека – что может быть неповоротливее и неуклюжее человека? Самая безобразная тварь.* Но эта

«мушиная» классификация присуща и человеческому сообществу: в аллегорическом, притчевом плане разница между мухами и людьми легко стирается.

Важнейшим приемом формирования притчевого плана повествования «Сказки» является набор абстрактных понятий, которые остроумно и изящно обыгрываются автором произведения. В произведении Мамина-Сибиряка затронуты такие понятия, как «справедливость», «индивидуализм», «эгоизм», «скука», «благоразумие». Ясно, что эти понятия выбраны писателем не произвольно, а отражают многие особенности духовной жизни России 1880–1890-х гг.

Справедливость – одно из ключевых слов сказки, а также одно из основных понятий разумно организованной социальной жизни, однако апелляция мух к справедливости выглядит пародией:

неужели лето прошло?.. Это, наконец, несправедливо: (папа) пером вытащил (из чернильницы) одну из них (мух) и посадил на бумагу великолепную кляксу. Представьте себе, он в этом обвинил не себя, а нас же! Где справедливость?

Это, конечно, эгоцентрическое представление о справедливости, обусловленное неумением объективировать себя в окружающем мире.

Однако центральными философско-этическими целями притчевого повествования остаются для писателя обсуждение и осуждение моральных принципов жизнесуществования мух, в частности отсутствие коллективизма, взаимовыручки, братства, товарищества:

...когда приносили провизию, мухи бросались на нее живой кучей, толкали друг друга и страшно ссорились. Лучшие куски доставались только самым бойким и сильным, а остальным доставались только объедки.

Так поведение мух, лишенных морально-нравственных принципов и живущих индивидуалистической, эгоистической жизнью, становится как мишенью осуждения писателем, так и дидактическим приемом воспитания маленького читателя, который на примере поведения мух должен задуматься и о своем поведении.

Индивидуализм – категория рационально-мотивированная, это верховенство индивидуальных интересов над коллективными:

...вот и отлично. Теперь я совсем одна! Никто не будет есть моего варенья, моего сахара, моих крошечек. Ах, как хорошо!

Но счастье индивидуалиста длится недолго:

Последняя муха была счастлива несколько дней, а потом ей вдруг сделалось скучно, так скучно, что, кажется, и не рассказать.

Автор впервые произносит еще оно ключевое слово – *скука*. Однако и эгоизм, и индивидуализм, и скука Мухи в притчевой части сказки отчасти являются «литературными». У Мухи «литературная» скука, которая присуща героям русской литературы XIX в. Она воплощается в ту или иную эпоху в «модных» проявлениях (например, у Онегина, Печорина – хандра, сплин). Это совсем не фольклорная тоска, обычно выступающая как *грусть-тоска*, *тоска-печаль*, *тоска-кручина*. Тема скуки – одна из основных в русской литературе всего XIX в., начиная с Онегина и Печорина и заканчивая, например, описанием скуки Чеховым (у него есть даже рассказ «Скука жизни», 1886). Невольно вспоминается герой чеховской «Степи» (1888) Дымов с его «Скушно мне!». Скука – это никчемность существования, отсутствие жизненных целей и перспектив, разочарование в жизни и в окружении, ощущение своей полной бесполезности для других.

Индивидуализм неизбежно приводит к разочарованию, утрате веры и доверия, отчаянию, скуке. Последней каплей, разрушившей остатки «мушиного» самоуважения, подпитывающего индивидуализм, стали услышанные Мухой слова:

Больше всего ее *огорчило*, когда тетя Оля сказала: «Ах, последняя муха. Пожалуйста, не трогайте ее. Пусть живет всю зиму».

Что же это такое? Это уж прямое *оскорбление*. Ее, кажется, и за муху перестали считать. «Пусть поживет», – скажите, какое сделали *одолжение*. А если мне *скучно*! А если я, может быть, и *жить* совсем *не хочу*?

Ей отказали в праве быть даже «нормальной» мухой, лишили «его», «я»,

«мушиной» индивидуальности, вычеркнули из класса мух, вынесли за пределы «мушиного» класса, она стала пустым местом.

Чтобы выжить в этом мире мух и людей, нужно *благоразумие*: «остались живыми только *самые благоразумные мухи*, в том числе и наша Муха», «из *благоразумных мух* остались целыми только *самые благоразумные*», «попались и *самые благоразумные мухи*», «наша Муха, наученная горьким опытом даже *самых благоразумных мух*». Для русской книжно-литературной и религиозной традиции более привычно сочетание представления о благоразумии с другим насекомым – пчелой (например, в житийной литературе преподобный Антоний сравнивается с «благоразумной пчелой», так как из беседы со старцами он извлекал для себя пользу, как пчела – мед), нежели с мухой. Однако использование прилагательного *благоразумный* в сочетании с названиями животных стало популярным в XVIII в.:

Благоразумный Слон из леса в степь сокрылся (Ф о н в и з и н); *Благоразумная* Собака смекнула, что и ей здесь может перепасть. (Перевод басни Лафонтена «Собака с хозяйским обедом»).

Это прилагательное стало постоянным эпитетом в русском басенном репертуаре, повествующем о проявлении умеренной осторожности, рассудительности, чувстве меры. Во французском языке возможно использование прилагательных *sage, prudent* ‘рассудительный, осторожный, осмотрительный’ с животными (*une sage fourmi* ‘осторожный, рассудительный, муравей’, *un sage éléphant* ‘осторожный слон’, *un chien prudent* ‘сообразительная собака’), однако в русском языке с XVIII в. в таком анималистическом контексте привились слова *благоразумный, благоразумие*, ранее использовавшиеся в сочетаниях либо с «положительными» животными (пчела), либо с человеком.

Конец сказки – это встреча последней Мухи и маленькой, родившейся мушки; символизмом, притчевостью здесь пронизано все – и отражение круговорота,

вечного умирания и рождения жизни, и вполне человеческая проблема «отцов и детей»:

Старая Муха несколько дней рассказывала, как скверно провела всю зиму и как ей было скучно одной. Молоденькая Мушка только смеялась тоненьким голоском и никак не могла понять, как это было скучно.

И здесь, как и в начале, в тексте вновь появляются восклицательные предложения, повторы, градационный ряд – черты, которые призваны отразить особенность детского поведения и мышления молодой Мушки.

Итак, сказка Мамина-Сибиряка – это не только развлекательное чтение для ребенка, но и мастерское воплощение в сказочной форме притчевого содержания. Такие авторские сказки вообще характерны для русской литературы конца XIX в., см., в частности, сказки В. Гаршина. Однако дидактическое начало, в отличие, например, от педагогики Л.Н. Толстого, скрыто в повествовании. Один из первых критиков произведений Д.Н. Мамина-Сибиряка для детей писал: «Он (Мамин-Сибиряк. – А.З., Д.Р.) избегает малейших покушений на морализацию, а между тем, читая его, становишься как-то чище и благороднее» [Русская мысль 1895: 577]. Эта сказка оказала существенное влияние на последующую детскую литературу, сделав образ мухи одним из ее

постоянных персонажей. Можно упомянуть сказку «Муха-Цокотуха» К. Чуковского (первоначальное название «Мухина свадьба», 1924). Муха также стала персонажем «Песни Мухи» Саши Черного, «Мухи-чистюли» Б. Заходера, «Сказок несовершенного времени» С. Седова и целого ряда других произведений.

ЛИТЕРАТУРА

Зеленин А.В., Руднев Д.В. Муравьи, лошади, бабочки (Натурфилософские воззрения В.Ф. Одоевского в произведениях для детей) // РЯШ. – 2014. – № 6.

Злыднева Н.В. Инсектный код русской культуры XX века // Абсурд и вокруг него. – М., 2004.

Миночкина Л.И. Элементы фольклорной поэтики в «Аленушкиных сказках» Д.Н. Мамина-Сибиряка // Проблемы типологии литературного фольклоризма. – Челябинск, 1990.

Ольшванг О.Ю. Динамика притчевого повествования в творчестве Р. Баха // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. – 2007. – № 53. – Вып. 1.

Русская мысль. – 1895. – № 11.

Фролова Е.А. Гармония несоответствий (Лингвостилистический анализ «Аленушкиных сказок» Д.Н. Мамина-Сибиряка) // РЯШ. – 2002. – № 5.

Hansen-Löwe A.A. Мухи – русские, литературные // Studia Litteraria Polono-Slavica. 4. Warszawa, 1999.

А.Л. ГОЛОВАНЕВСКИЙ | Ударение и рифма: из наблюдений Брянск над ударением в лексеме *бой* в русской поэзии XVIII–XX веков

В статье на материале языка русской поэзии рассматривается употребление лексемы *бой*. Изменение ее акцентной парадигмы является одним из факторов развития языка и обогащения его поэтических средств.

Ключевые слова: *ударение; акцентная парадигма; словоформа; рифма; рифменная позиция; падеж; число.*

Бой – одно из ключевых слов русской военной лексики. История его упо-

*Голованевский Аркадий Леонидович, доктор филол. наук, профессор Брянского гос. ун-та им. И.Г. Петровского.
E-mail: golovanevski@mail.ru*

требления в поэзии отражает историю войн, сражений, битв, побед и поражений.

Общеизвестно, что язык находится в постоянном развитии. Он изменяется, как пишет Э. Косериу, «под давлением изменения нужд коммуникации в посто-